

«Зять» Грозного царя

Эта статья посвящена герцогу Магнусу Голштинскому (1540–1583), о котором автор написал диссертацию и выпустил книгу.¹ Как известно, герцог Магнус в 1560 г. стал одним из правителей Ливонии — вначале под протекторатом Дании, а с 1570 до 1577 г. как гольдовник Ивана Грозного был номинальным королем Ливонии. В историографии эту фигуру принято либо игнорировать, либо изображать подчеркнуто снисходительно и даже иронически. Более того, отношение к Магнусу в исторической литературе почти всегда было тенденциозным и предвзятым. Причина кроется во враждебном отношении к его персоне как современных ему хронистов, так и более поздних, главным образом, шведских и российских хронистов и историков, которые, естественно, рассматривали Магнуса как врага и предателя. К тому же, он был неудачником, принесшим поражение своим сторонникам, а историю, как мы знаем, пишут победители. Впрочем, если говорить объективно, Магнус выдающейся личностью, действительно, не был.

Однако если непредвзято, свежим взглядом рассмотреть даже те документы и свидетельства, которые обычно использовались при описании его личности и деяний, можно легко обнаружить, что оценки эти не совсем соответствуют истине. К тому же, в архивах Дании, Швеции, Эстонии и т.д. имеется намного больше документов, чем было принято использовать в историографии.² В том числе, сам Магнус несколько раз посыпал своим

---

¹ Adamson A. Hertsog Magnus ja tema "Liivimaa kuningriik". (Doktoritöö, Tallinna Ülikool, Ajaloo Instituut) Tallinn, 2009; Tallinna Ülikooli Kirjastus; Adamson A. Liivimaa kuningriik. Tallinn, 2013.

² Основная масса документов связанных с деятельностью Магнуса в Ливонии находятся в следующих архивах и фондах. В Датском госархиве: TKUA. Ausl. Reg. 1569–1571; TKUA. Livland A I:2. Breve til Dels med Bilag fra Hertug senere Kong Magnus af Ösel, Wiek og Kurland Stifter og Administrator af Reval Stift til Kong Frederik II og enkelte andre 1559–1578; TKUA. Livland A II:7. Akter og Dokumenter vedrørende det politiske Forhold til Livland 1560–1562 (1579); TKUA. Livland A II:9. Akter og Dokumenter vedrørende det politiske Forhold til Lifland 1566–1571; TKUA Livland A III:21. Forskellige Akter og Dokumenter 1259–1569; TKUA. Speciel Del. Livland A III. Tillaeg nr. 3. 1560–1569 og udat. Den hertugelige Regering i Livlands Arkiv: Indkomne og udgaaede Breve samt andre Akter og Dokumenter; TKUA Livland. Tillaeg 1560 – Tillaeg 1563. В Таллиннском городском архиве: F 230, n 1, BP 7. Schreiben von Herzog Magnus 1560–1576.; F 230, n

родственникам довольно детальные рапорты о своих делах — разумеется, для самооправдания. Самый длинный из них³ занимает в публикации 27 страниц, а по времени полтора десятилетия. Главное же заключается в том, что глядя на Ливонскую войну сквозь биографию Магнуса, вся эта война предстает в совершенно ином свете и понимается по-новому.

В критические периоды своей карьеры (если рассматривать упрощенно) — в 1560, 1570–71, 1577–78 гг. — Магнус был относительно независим от своих сюзеренов (в разное время ими являлись король датский и норвежский Фредерик II, Иван Грозный и Стефан Баторий) — и старался проводить собственную политику с целью подчинить себе всю или большую часть Ливонии. Правда, почти все время пребывания Магнуса в Ливонии ему это не удавалось, и эту «независимость» следует понимать довольно относительно, так как свобода выбора Магнуса зависела от конкретной международной обстановки в каждый конкретный критический момент, а также от соотношения сил между Данией, Швецией, Польско-Литовским государством и Москвией, между которыми ему приходилось лавировать. То есть, Магнус использовал все существующие возможности. Однако поскольку его сюзерены преследовали в Ливонии собственные интересы, стараясь держать ситуацию под своим контролем, а Магнус пережил множество политических поражений, становится понятно: долгое двадцатилетнее пребывание Магнуса в качестве серьезного претендента на власть в Ливонии было немыслимо без стоящих за ним весомых политических сил.

Эти силы далеко не всегда были внутриливонскими, они могли меняться и действительно менялись в течение времени. Характерным примером может служить конфронтация Магнуса с его братом, королем Фредериком, с которым они враждовали уже с детства, причем вражда была настолько острой, что брат месяцами даже не читал его официальных писем. Правда, Магнус опирался на поддержку их матери, вдовствующей королевы Доротеи. Однако после ее смерти в 1571 г. всяческая поддержка короля прекратилась, и позже Магнус пытался получить помощь от других родственников. Кроме того, он неоднократно обращался за поддержкой к королю Сигизмунду II Августу и старался заключить союз или сепаратный мир со шведскими королями Эриком XIV и Юханом III.

1, BP 3. Kopeibuch enthaltend Schreiben von Ferdinand I, Maximilian II, Herzog Magnus, von Chursachsen, Churbrandenburg und Holstein an den Rat wegen des Moskow 1560–1577. В Шведском госархиве: Livonica I. Ordenmästarens arkiv 37: Hertig Magnus av Ösel papper.

³ Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til Czar Ivan den Grusomme. Med F. P. Jensen – Danske Magazin. Ottende Række, Femte Bind (1975), S. 54–83.

Однако в Ливонии существовали также местные силы, на которые опирался Магнус и которые в свою очередь использовали Магнуса в своих интересах для проведения независимой от названных держав и сюзеренов политики. Возражение, что поддержка местного дворянства ландгерру, коим являлся Магнус, была естественной и закономерной, верно лишь отчасти. Ведь Магнус мог бы оставаться представителем исключительно датских интересов в Ливонии и никогда не идти против датской короны, несмотря на другие устремления местного дворянства.

В первой половине карьеры Магнуса (до 1570 г.) были периоды, когда его деятельность находилась под контролем датских королевских чиновников, а также периоды, когда он старался изменить это положение или когда упомянутый контроль ослабевал либо отсутствовал вообще. Как раз в это время ливонское окружение Магнуса пыталось проводить свою, более самостоятельную, часто несовпадающую с интересами Дании политику (особенно в 1560 г. и в 1570 г.). Но и сам Магнус, особенно в конце жизни, иногда старался реализовать собственные цели и амбиции, которые могли идти вразрез с интересами не только датской короны, но и местной элиты. Поэтому кто кого и как именно использовал, не всегда понятно.

По одной из моих первоначальных гипотез, Магнус опирался на ту часть дворян и бюргеров Ливонии, которые старались закончить непосильную для них войну с Россией с помощью компромисса — вначале стараясь использовать дипломатическую помощь Дании, а затем, при подходящей ситуации, с помощью прямой сделки с царём Иваном. Гипотеза это полностью подтвердилась архивными документами. В разное время Магнуса и его окружение поддерживали в этих устремлениях разные части (политические единицы), слои и группировки Ливонии, совсем оставались только бывшие орденские владения, расположенные южнее реки Даугавы, ставшие герцогством последнего магистра Готхарда Кетлера.

Затем в ходе моей работы на передний план выдвинулись новые проблемы и критические периоды: общий характер датско-российских отношений, международный фон создания «Ливонского королевства», детали и содержание соглашения, заключенного между Магнусом и Иваном Грозным в Москве в июне 1570 г.⁴, а также причины неудачи этого проекта в 1570–71 гг., анатомия его окончательного краха в 1577 г. и т.д. Благодаря этому исчезла опасность излишней «реабилитации» или идеализации самого Магнуса.

---

⁴ Adamson A. Prelude to the birth of the “kingdom of Livonia” // Acta Historica Tallinnensia, 2009. Т. 14. Р. 31–61; Adamson A. Magnus in Moscow // Acta Historica Tallinnensia, 2011. Т. 16. Р. 67–85.

Прибытие молодого герцога Магнуса в Ливонию в 1560 г., которого ожидали, кстати, уже с 1558 г., когда его буквально за пару недель перед захватом Тарту русским войсками избрали коадьютором, т.е. наследником Тартуского епископа, было обусловлено как историческими и юридическими аргументами и амбициями Дании в Ливонии (точнее, на территории Эстонии), которые обострялись в ходе разложения Ливонской конфедерации перед и вначале Ливонской войны, так и внутренними проблемами династии Ольденбургов, а также малочисленностью способов разрешения этих проблем после заключения Аугсбургского религиозного мира в Священной Римской империи, куда входила и Ливония, и конкретным развитием положения в Ливонии. Уже перед Ливонской войной стало понятно, что по разным причинам Ливония не в состоянии в одиночку воевать с Москвией. Даже не «некая часть», а явное большинство ливонской элиты уже в начале войны видело разрешение кризиса не в самой войне, а в компромиссе с Москвией при помощи некой внешней силы. То есть внешней помощи искали не для ведения непосильной войны, а чтобы ее избежать, а позже — для ее окончания. Так как помочь Священной Римской империи, частью которой Ливония, повторяю, несомненно являлось, отпала, то реально опираться можно было только на соседей.

Если говорить очень упрощенно, то у ливонцев был выбор между двумя дворянскими республиками — Данией и Польско-Литовским государством (в Дании тогда и еще почти в течение столетия королей также выбирали) — и двумя деспотиями — Швецией и Москвией (Швеция при королях Густаве Ваза, Эрике XIV, Юхане III, Сигизмунде III и Карле IX также была деспотией, хотя естественно сравнивать с Россией Ивана Грозного).

Предпочтения ливонцев выявились точно в таком же порядке, в том числе и по времени. К тому же Ольденбурги были немецкой династией, а в их государство-конгломерат входили и такие территории (герцогства и города), которые в то же время оставались частью Римской империи, да и чисто юридический выбор в пользу Дании был наиболее обоснованным. Ливонский ландтаг в Тарту в 1558 г. обратился за помощью именно к Дании, причем указывалось, что главной причиной стали традиционно хорошие отношения Дании и России (из-за общего противника, Швеции, разумеется) и тот факт, что границы государств соприкасаются только в Лапландии, на Кольском полуострове, благодаря чему Дания и Московия никогда ранее между собой не воевали.

Этот шаг из-за излишней осторожности и медлительности датской стороны ни к чему не привел, но менее чем через два года Магнуса все же встречали в Ливонии с почти всеобщим энтузиазмом. Ему передали пост епископа Эзель-Викского (не само епископство, а только чин!). Сам он вскоре купил пост епископа Курляндского и формально также пост епи-

скопа Таллиннского — оба вопреки правам Ливонского ордена на назначение кандидатов на епископский пост. Оставаясь в стороне от войны с Россией, Магнус быстро упрочил свою власть и увеличил число сторонников, захватив некоторые орденские владения. На его сторону частично перешли орденские войска, а с самим Орденом началась вялая и локальная вооруженная борьба. В результате Орден пошел на компромисс, уступив Магнусу во всех спорных вопросах.

Однако довольно скоро русские войска совершили набег на владения Магнуса, которых ливонцы считали нейтральными. Так лопнули надежды ливонцев на скорый мир, принесенный Магнусом. Начались крестьянские восстания и солдатские бунты, за которыми последовал военно-политический и финансовый крах. Таллинн и рыцарство Северной Эстонии перешли под власть Швеции — единственного соседа, не воевавшего в тот момент с Россией. В результате с 1561 до 1566 г. Магнус, находящийся долгое время за пределами Ливонии, был подчинен датским королевским наместникам. Правда, и в этот период он иногда пытался вести более самостоятельную политику — расширить свою власть и доходы, оставаться в стороне от Северной семилетней войны, освободиться от опеки короля Фредерика, сблизиться с Польско-Литовским государством и новым герцогом Курляндским Готхардом Кетлером. Например, в 1565 г., несмотря на действующее в то время в Ливонии локальное перемирие между Данией и Швецией, он участвовал в попытке захвата гофлейтами Таллинна у шведов — не лично, но отправляя им на помощь свои курляндские отряды. Датские же наместники на острове Сааремаа в то время соблюдали перемирие. Окружение Магнуса, с момента его первого приезда в Ливонию, состояло почти из одних ливонцев. Автором сделан поименный анализ их состава, который по методу близок просопографии.

Дворянство Эзель-Викского (Вик, правда, был скоро потерян шведами) и Курляндского епископства поддержало Магнуса как своего правителя, но среди его сторонников было также много беженцев из Тартуского епископства. Во время (если так можно сказать) пиков активизации его деятельности (в 1560, 1565, 1570–71 гг.) Магнуса поддерживала большая часть дворянства Северной Эстонии, уездов Харью, Виру и Ярва, а в 1570–1571 гг. — и большая часть дворянства Рижского архиепископства. В бывших орденских владениях (кроме некогда датской Северной Эстонии) дворян, по большому счету, и не было. Дворянство участвовало в политике не только как корпорация (рыцарство одного или другого штата Ливонии), но и семействами, родами. Несмотря на многочисленные исключения, дворянство Эстонии и Латвии представляло собой две разные системы семейств, семейных кланов и брачных союзов. На стороне Магнуса более активно выступало дворянство Эстонии. Разумеется, ни один клан в тех

сложных условиях не делал ставку только на Магнуса. Однако отметим, что в его ближайшее окружение входили видные представители самых именитых дворянских семейств (Üxküll, Fahrensbach, Vitinghof, Zooge, Wrangel, Kursell, Taube, Stackelberg, Ungern, Rosen, Tiesenhausen, Buxhoevden, Wulf, Bra(c)kel, Titfer). Если допустить — что, конечно, было бы слишком смелым предположением! — что названные семейства были полностью, открыто или тайно, сторонниками Магнуса, то это была бы добрая половина дворянства, проживавшего на территории Эстонии. Во всяком случае, его цвет и элита.

Как уже было сказано, эта поддержка была связана с надеждами вывести Ливонию с помощью Дании из войны с Московией, сохранить в какой-то форме Ливонскую государственность (либо в форме одного государства, либо в форме конфедерации, как и ранее), а также сохранить государственно-правовую связь с Римской империей. Позже, уже после заключения Штеттинского мира в декабре 1571 г., когда ситуация радикально изменилась и число сторонников Магнуса резко уменьшилось, он оказался в прямой зависимости от Ивана Грозного. Переход же большей части дворянства Рижского архиепископства на сторону Магнуса в 1577 г. был уже следствием не политических симпатий, а инстинкта самосохранения. Однако такой переход принес этим дворянским родам лишь поражение или физическое уничтожение в Венденской битве (в городе Венден, или Цесис). Выжившие же подверглись репрессиям как со стороны русских, так и со стороны шведов и поляков. Поэтому после осени 1577 г. ни о какой поддержке Магнуса ливонским дворянством говорить уже не приходится.

Гораздо труднее оценить поддержку Магнуса в городах Ливонии. По сравнению, скажем, с рыцарством уездов Харью и Виру (ядро будущего Эстляндского рыцарства), магистрат города Таллинна и большинство его граждан были более осторожно настроены по отношению к Магнусу и Дании. Граждане Тарту, как беженцы, так и депортированные в Россию или возвращенные оттуда, видели в Магнусе своего спасителя до 1571 г. В этом плане характерны сомнения рижского магистрата в 1566–67 гг., не перейти ли в подданство Дании, т.е. Магнуса, и готовность бургевров городов Венден (Цесис) и Вольмар в 1577 г. напасть на польские гарнизоны для перехода на его сторону.

Попытки конкретизировать сторонников Магнуса ведут нас к вопросу о ливонских гоффлейтах и их роли в Ливонской войне. Обычно гоффлейтов характеризовали как продажных авантюристов, всякий сброд, среди которого преобладали иностранные наемники, бывшие орденские служители и т.д. Однако при рассмотрении разных списков их состава, обнаруживается совсем другое. Гоффлейты — это, по большему счету, местное дворянское ополчение, среди которых, конечно, оказались и некоторые иностранные

наемники и т.д. Но командный, офицерский и унтер-офицерский состав гоффлейтов составляли почти исключительно ливонцы, и нет оснований думать, что с рядовым составом дело обстояло иначе. Даже само слово «гоффлейты» сопоставимо со словом «дворяне» (*Hof* = двор). Отряды гоффлейты неоднократно выступали более-менее единой силой: в 1565 г. (захват города Пярну у шведов и попытка занять Таллинн); в 1570–71 гг. (неудачное восстание против шведов в Таллинне, а затем осада Таллинна русскими и гоффлейтами под руководством Магнуса); в 1574–76 гг. (вначале на стороне Швеции, но затем последовал мирный переход на сторону Дании и передача в ее владение уезда Вик, позже — потеря Вика русским). Гоффлейты неоднократно переходили на сторону Магнуса, часть их находилась на его службе постоянно. Десять лет, в 1565–75 гг., часть гоффлейтов владела городом Пярну с окружом, формально под сюзеренитетом Польско-Литовского государства, но периодически сотрудничая с Магнусом. Так, во время осады Таллинна Магнусом и русскими войсками в 1570–71 гг., они вместе с рижанами занимались снабжением осаждавшей армии.

Невозможно доказать, что в какой-то момент абсолютное большинство ливонского дворянства было бы на стороне Магнуса. Но в ареале его конкретных действий это происходило неоднократно. Особенно явно это проявилось именно в начале осады Таллинна в 1570–71 гг., т.е. в начале проекта создания «королевства Ливонии». Без этой поддержки Магнус не мог бы так долго оставаться реальным кандидатом в правители Ливонии. Тем не менее, не оружие было главным аргументом Магнуса. Напротив, его удачи всегда исходили из действенной пропаганды, переговоров, из благоприятной международной обстановки, а неудачи всегда были связаны с попытками решить что-то силой.

Магнус трижды — в 1560 г., 1570–71 гг. и 1577 г. — шел ва-банк. Особенно реальными его шансы на успех были в 1560 и 1570 гг. В первом случае его уже признали своим правителем Эзель-Викское и Курляндское епископства, а также как будущего правителя — органы власти оккупированного русскими Тартуского епископства. Таллинский епископ и домкапитул вместе с частью рыцарства Харью и Виру были на его стороне, даже Орден признал его претензии в Эстляндии. Причиной же провала на этот раз стали неурегулированные отношения с Московией.

Во втором случае первоначальный успех был провален неожиданно упорным сопротивлением таллинцев, но более всего — катастрофическими для Магнуса результатами Штеттинского мирного договора, закончившего Северную семилетнюю войну. В результате вокруг Ливонии возникла совершенно иная международная и юридическая ситуация и в один миг были уничтожены основы политики и пропаганды Магнуса. По договору, который позже по разным причинам не выполнялся, Швеция должна была

возвратить свои владения в Эстонии императору, тот передать их в качестве лена Дании, а союз Магнуса с Москвией был резко осужден. Таким образом все, чего добивались ливонцы и ради чего они шли на сотрудничество с Москвой, было формально достигнуто, однако не с помощью Магнуса и Москвы, но вопреки им.

Фундаментальной же причиной провала, как в этом случае, так и вообще, была абсолютно непропорциональная поставленным задачам поддержка короля Фредерика II своему брату. В свою очередь, это можно объяснить не столько антипатией Фредерика к Магнусу и даже не финансово-ым кризисом Дании во время Северной семилетней войны, а выбранной уже в 1558 г. главной линией датской политики в Ливонии — не быть втянутыми в войну против Московии или Польско-Литовского государства.

В третий раз, в 1577 г., герцог Магнус попытался во вновь изменившейся международной обстановке (вследствие вакуума силы и власти в Северной Латвии) и после относительно успешных тайных переговоров с представителями Польско-Литовского государства снова вести свою, отличную от Ивана Грозного политику, что вновь закончилось крахом из-за слишком большого неравенства сил.

При анализе истинной роли герцога Магнуса в Ливонии во время Ливонской войны становится очевидным, что под влиянием результатов войны и историографической традиции исследователи обращали слишком мало внимания на роль самих ливонцев и Дании в этой войне. Представление о Датско-Российском союзе также ошибочно. Можайский договор 1562 г. был не союзным договором, а лишь пактом о нейтралитете и ненападении. И в 1560 г. (формально до Можайска), и в 1575–78 гг. государства находились в состояний войны, в которую Дания оба раза была втянута из-за неконтролируемых действий своих ливонских подданных.

Причиной пассивной политики мира Дании в Ливонии, в свою очередь, было отсутствие союзных отношений с Москвой, плюс желание не участвовать в войне с Россией или с Польско-Литовским государством. Диверсионная ценность более эффективной поддержки Магнуса в конфронтации со Швецией бледнела по сравнению с этими опасностями. Конечно, задним числом можно спекулировать, предполагая, имели бы место эти конфликты при другой, более агрессивной позиции Дании (скорее всего, да), и получила ли бы Швеция при более раннем и активном вмешательстве Дании в ливонские дела возможность вступить на путь создания своей державы (может быть, нет). Обманувшись в своих надеждах на Данию и опасаясь Швеции, Магнус и его ливонское окружение под влиянием московской дипломатии выбрали путь военно-политических авантюр, причем почти достигли успеха, который, скорее всего, оказались бы очень краткосрочным.

Необходимо все же подчеркнуть, что в начале этого пути (до Штеттинского мира) у Магнуса имелось если не согласие находящегося в очень трудном военном, политическом и экономическом положении короля Фредерика, то хотя бы оставленная им свобода действий для сближения с Москвией. При всей своей амбициозности, Магнус вряд ли предпринял бы без этого столь радикальные шаги, но совершив их, он уже не мог повернуть назад без признания своего полного поражения. Сыграли здесь свою роль и сугубо личные, семейные причины. Так, в начале 1572 г., когда Магнус после попытки его гоффлейтов во главе с бывшими приближенными (дипломатическими агентами) царя Иоганом Таубе и Элертом Крузе отбить у русских Тарту находился на острове Сааремаа и готовился выйти из игры, он рассорился со своим братом, королем Фредериком, из-за материнского наследства.

Тем не менее, создание «королевства Ливонии» в первую очередь следует рассматривать в контексте надежд Ивана Грозного и его крушения с помощью сближения с императорским двором (для чего и нужен был некий временный компромисс в Ливонии) достичь после угасения династии Ягеллонов раздела Польско-Литовского государства между Россией и Габсбургами. Предложение этой сделки исходило не от императорского двора, как принято считать в историографии, но от самого царя Ивана, и было первоначально сделано через Магнуса, его ливонского окружения и короля Фредерика в 1570 г. Иными словами, вассальное королевство создавали главным образом по «неливонским» причинам, а Магнус и Фредерик были в этой ситуации только статистами.

Герцог Магнус остро ощущал крах своей политики, маргинализацию своей персоны и своих сторонников, а также потерю большинства последних (после 1571 г.), несмотря на расширению своих владений и брак с племянницей Ивана Грозного. Брак этот, кстати, организовали очень быстро в пропагандистских целях сразу после смерти короля Сигизмунда Августа, когда виды на раздел Польско-Литовского государства возобновились. Повторные попытки Магнуса создать свое «реальное» королевство были заблокированы царем. Как описывал сам Магнус, он в 1572 г. несколько месяцев был почти пленником царя, а в 1577 г. действительно был пленен на две недели в Вендене (Цесисе). В конце концов Магнус стал представлять большую проблему для всех участников Ливонской войны, которая разрешилась только его смертью в 1583 г.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что Магнус не был «рукой» Дании или России в Ливонии, но долгое время он был орудием самих ливонцев, желавших сохранить за собой хотя бы часть старой Ливонии.

Duke Magnus of Holstein, “son-in-law” of Ivan the Terrible

Duke Magnus' arrival in Livonia was prompted by Denmark's ambitions, the problems faced by the Oldenburgs and the faint prospect of solving them after the Peace of Augsburg, and by concrete developments in Livonia. Early in the Livonian War a coalition had emerged endorsing Livonia's agreement with Russia as an escape from the atrocities of war. The project required an external mediator for which Denmark was best suited. Despite other candidates Magnus, who had in 1559/60 become a landlord of Livonia, was the best choice to promote this solution — preservation of the Livonian Confederation and a compromise with Russia. However, this coalition refused to follow Denmark's national interests and pursued its own agenda. With such backing, and encouraged by his personal ambitions, Magnus was the principal contender in 1560 and 1570–1571. A vassal of the Czar, Magnus was in 1577 hailed as someone who could facilitate escape from Moscow's domination.

After the military-political and financial disaster of 1560, Magnus was in 1561–1566 temporarily subjected to the control of Danish regents; however, he tried to work against Denmark's interests, expand his authority and revenues, and shake off the patronage of Frederick II. He was probably guided by his inner circle, not the other way round. This clique emerged after Magnus' arrival in Livonia in 1560, and was largely comprised of Livonian nationals.

A closer look at Magnus' role in Livonia and the Baltic Sea region reveals the tendency of earlier research to rely on retrospective judgement and stress the roles of Russia, Sweden and Poland-Lithuania, ignoring the part played by Denmark and the citizens of Livonia. The fictitious alliance of Denmark and Russia is a misconception. The 1562 Mozhaisk agreement was in essence a neutrality pact, and in 1560 and 1575–1578 the countries were in war, Denmark's involvement resulting from the improvisations of its Livonian subjects. Denmark's passive policy in Livonia, in turn, ensued from the non-alliance with Moscow and the desire to avoid hostilities with Russia or Poland-Lithuania. The diversion value that the support given to Magnus could have had in his struggle against Sweden paled in comparison. It is mere speculation whether conflicts would have broken out indeed had Denmark adopted a more aggressive attitude, or whether Sweden would have been able to start building an empire, had Denmark opted for a powerful intervention in Livonia. Disappointed in Denmark's passive policy and threatened by the Swedes, Magnus and his supporters, blinded by the promises of Russians, opted for political opportunism — and almost succeeded. Until the Stettin Peace Treaty (1571), even without Frederick's explicit support, Magnus had a free hand granted by his brother, or else it would have taken more than ambition to push him to such radical steps.

The establishment and subsequent liquidation of the “Kingdom of Livonia” should be viewed in the context of Ivan's crushed hopes to divide Poland-

Lithuania between Russia and the Habsburgs through a rapprochement to the Holy Roman Empire. Thus the creation of a vassal structure in Livonia was predominantly inspired by external factors.